

ЖЕРАР ДЕ НЕРВАЛЬ

КОНЕЦ ВЕЛИКОЛЕПНОГО ВЕКА

ИЛИ
ЗАГАДКИ
ПОСЛЕДНИХ
НЕВОЛЬНИЦ
ВОСТОКА

ГАРЕМ

Жерар де Нерваль

Конец Великолепного века, или Загадки последних невольниц Востока

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6056857

Конец Великолепного века, или Загадки последних невольниц Востока:

Алгоритм; М.; 2013

ISBN 978-5-4438-0372-2

Аннотация

Жерар де Нерваль – культовый французский автор XIX века, для его произведений характерны чувственная правдивость и яркий эротизм. Пожалуй, Нерваль стал последним свидетелем завершения того Великолепного века, в котором еще существовали восточные гаремы, закрытые навсегда в первые годы XX века. Неудивительно, что этот страстный путешественник посвятил свою книгу повседневной жизни гаремов и загадкам прекрасных невольниц, а также – нравам и обычаям Востока. Его труд представляет особую ценность благодаря тому, что автор, по его словам, осматривал и описывал места лишь после того, как достаточно с ними познакомился с помощью всех имевшихся на то время книг и мемуаров.

Содержание

I. КОПТСКИЕ СВАДЬБЫ	4
МАСКА И ПОКРЫВАЛО	5
СВАДЬБА ПРИ ФАКЕЛАХ	13
ДРАГОМАН АБДУЛЛА	24
НЕУДОБСТВА БЕЗБРАЧИЯ	35
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Жерар де Нерваль
Конец Великолепного века,
или Загадки последних
невольниц Востока

I. КОПТСКИЕ СВАДЬБЫ

МАСКА И ПОКРЫВАЛО

В Каире, как нигде на Востоке, женщины и по сей день закутаны в покрывало. В Константинополе и Смирне легкий черный или белый муслин порой позволяет угадать, что под ним прячется красавица: самые суровые предписания не могут заставить мусульманок выбирать для своих покрывал не столь прозрачную ткань. Эти очаровательные, кокетливые монашки, посвящая себя одному-единственному супругу, совсем не сетуют на то, что им приходится отрекаться от света. В суровом и благочестивом Египте – стране загадок и тайн – красота, как и прежде, окутана завесами и покрывалами, и этот безрадостный обычай повергает в отчаяние легкомысленного европейца. Пробыв неделю в Каире, он поспешно покидает его, устремившись к нильским порогам, где его ждут новые разочарования, в которых он никогда не признается.

Терпение издревле считалось главной добродетелью. К чему спешить? Остановимся и попытаемся приподнять уголок строгого покрывала саисской богини. В странах, где женщины слынут затворницами, мы, к великому нашему восторгу, встречаем их тысячами – на базарах, на улицах, в садах – то в одиночестве, спешащих навстречу приключениям, то группками, то с ребенком. Воистину наши европейские женщины не пользуются такой свободой; правда, местные знат-

ные дамы выезжают из дома лишь верхом на осле, оставаясь тем самым недосягаемыми, но ведь и у нас женщины из высшего общества разъезжают в каретах, но только без покрывала... Возможно, оно и не столь непреодолимое препятствие, как полагают.

Из всех роскошных арабских и турецких костюмов, уцелевших после реформы, особенно причудливы наряды женщин, они-то и придают толпе, запрудившей улицы, вид костюмированного шествия. Меняются лишь цвета домино — от синего к черному. Знатные дамы носят *хабару* из легкой тафты, а женщины из простонародья грациозно драпируются в синюю шерстяную или хлопчатобумажную тунику (*ка-мис*) наподобие античных статуй. Какую волю воображению дают эти недоступные взору женские лица, к счастью, только лица... Прекрасные пальчики, униженные кольцами-талисманами, запястья в серебряных браслетах, а то и точеная, словно из мрамора, рука выглядывают из-под широких, поднятых до плеч рукавов; браслеты на щиколотках серебристо позвякивают, и при каждом шаге слетают с ног *бабуши*; этим можно любоваться, это можно угадать или подсмотреть, не вызывая недовольства толпы и, кажется, не привлекая внимания самой женщины. Иногда развевающееся покрывало в сине-белую клетку, накинутое на голову и плечи, слегка приподнимается, и в просвет, образованный между покрывалом и удлиненной маской, именуемой *буркуа*, можно разглядеть изящный висок с тугими локонами темных волос, совсем

как на изображениях Клеопатры, крохотное ушко, в которое вдеты гроздь золотых цехинов или пластинки, украшенные бирюзой или серебряной филигранью, раскачиваясь, они задевают шею и щеки. В этот миг испытываешь настоящую потребность заглянуть в глаза закутанной в покрывало египтянке, и это самое опасное желание. Буркуа сделана из длинного узкого куса черной материи, сотканной из конского волоса, в нем оставлены два отверстия для глаз, как в разбойничьей маске; несколько блестящих, нанизанных одно на другое колечек соединяют полоску на лбу с нижней частью маски; за этой преградой вас подстерегают горящие глаза, владеющие всем арсеналом средств обольщения. Брови, глазные впадины, веки оживлены краской, невозможно выгоднее представить то немного, что дозволено обнажать местным женщинам.

Сначала я не понял, насколько привлекательна таинственность, которой окружает себя прекрасная половина этого восточного народа; но несколько дней спустя я уже знал, что когда женщина чувствует, что ее заметили, то всегда найдет средство показать себя, если она хороша. Те же, кто не отличается привлекательностью, плотнее закутываются в покрывало, и не следует обвинять их. Ведь именно эта страна – край грез и надежд. Уродство скрывают здесь как преступление, ну а женщину, отличающуюся совершенством форм, изяществом, молодостью и красотой, всегда удастся рассмотреть хотя бы украдкой.

Традиционная одежда арабской женщины

Каир, как и его обитательницы, лишь постепенно снимает завесы с самых укромных, самых обольстительных своих уголков.

Вечером по приезде я почувствовал страшное разочарование и впал в уныние. За несколько часов прогулки верхом на осле в сопровождении драгомана я сумел убедить себя, что мне предстоит провести здесь скучнейшие полгода в моей жизни, и, поскольку все было заранее оговорено, я не мог сократить свое пребывание ни на один день.

«Неужели это город «Тысячи и одной ночи», столица халифов и суданов?»¹ – вопрошал я себя... И я углубился в переплетение узких, грязных улочек, пробираясь сквозь толпу в лохмотьях, своры собак, минуя верблюдов и ослов; был предвечерний час, здесь темнеет очень быстро из-за тусклого от пыли неба и высоких домов.

Чего можно ждать от этого мрачного лабиринта, не уступающего, наверное, по величине Парижу или Риму? От этих бесчисленных дворцов и мечетей? Без сомнения, когда-то все это выглядело ослепительным и прекрасным, но с той поры здесь уже сменилось тридцать поколений; повсюду кро-

¹ Судан – так в европейских, в частности итальянских, документах позднего Средневековья именовались мамлюкские султаны Египта (1250–1517). Каирские халифы из династии Фатимидов правили в 969–1171 гг.

шится камень и гниет дерево. Ловишь себя на мысли, что все это сон, что во сне ты бродишь по городу прошлого, населенному призраками, которые не способны вселить в него жизнь. Каждый квартал, обнесенный зубчатыми стенами с запирающимися, как в средневековье, тяжелыми воротами, еще, наверное, сохранил облик времен Саладина. Сводчатые переходы ведут с одной улицы на другую, но чаще улица кончается тупиком, и тогда приходится возвращаться. Постепенно все закрывается; освещены только кофейни, где курильщики, сидя на плетеных скамьях, при тусклом свете масляных ламп выслушивают долгие истории, которые рассказчик декламирует нараспев, гнусавым голосом. Тем временем освещаются *машрабии* – затейливые резные деревянные решетки, которые выступают вперед и закрывают окна; через них наружу пробивается столь слабый свет, что найти дорогу на улице можно лишь на ощупь; вскоре раздастся сигнал гасить огни, и каждый прохожий запасается фонарем. Теперь в городе можно встретить лишь европейцев да дозорных.

Что же до меня, то я с трудом мог вообразить, чем бы я стал заниматься на улице в столь поздний час, то есть после десяти вечера, и улегся в постель в грустном расположении духа, говоря себе, что, наверное, так будет каждый день, поскольку потерял всякую надежду на то, что в этой пришедшей в упадок столице меня могут ждать какие-либо удовольствия. Сквозь первый сон я смутно различал неясные звуки

волынки и охрипшей виолы, они определенно действовали мне на нервы. Эта назойливая, нескончаемая мелодия повторялась на все лады и напоминала мне далекое рождество где-то в Бургундии или в Провансе. То было сном или явью? Я еще немного подремал, пока не пробудился окончательно. Мне снилось, что меня предают земле, странно, то было в шутку и вместе с тем всерьез, на церемонии собрались певчие из приходской церкви и гуляки в венках из виноградной лозы; в этом непонятном действе смешались патриархальное веселье и воспетая в мифах грусть; вместе с заунывными церковными песнопениями звучала шутовская ария, под которую лишь пристало плясать корибантам². Шум все приближался и нарастал, и от яркого света, который проби- вался снаружи через оконную решетку, я проснулся, не в силах пошевелиться, и понял, что все это наяву. Однако сон мой воплотился лишь частично: полуобнаженные мужчины в венках, словно античные борцы, ударяли мечами о щиты в ритме музыки и двигались дальше, затем снова разыгрывали бой. Дети несли факелы и пирамиды свечей, которые ярко освещали улицу, а за ними двигалась многолюдная процессия; я не сумел разглядеть все как следует. Какой-то красный призрак в короне, украшенной драгоценными камнями, медленно приближался в сопровождении двух грозных матрон, группа женщин в синих одеждах замыкала шествие, останав-

² *Корибанты* – фригийские жрецы богини Кибелы, сопровождавшие служение ей танцами.

ливаясь, они выпускали странные гортанные крики.

Не оставалось никаких сомнений: это была свадьба. Мне довелось видеть в Париже на гравюрах гражданина Касаса³ подробное изображение такой церемонии, но то, что я разглядел сквозь узорчатые решетки окон, только воспламенило мое любопытство, и я решил во что бы то ни стало присоединиться к процессии и все рассмотреть. Мой драгоман Абдулла задрожал от страха, услышав о моем дерзком плане побродить по улицам среди ночи; он сказал, что меня могут убить или избить. К счастью, я обзавелся плащом из верблюжьей шерсти (*машила*), в который можно закутаться с головы до пят. Отросшая борода и повязанный вокруг головы платок довершили мой наряд.

³ Касас Луи-Франсуа (1756–1827) – автор двух сборников гравюр, иллюстрирующих путешествия по Востоку (1799 г.).

СВАДЬБА ПРИ ФАКЕЛАХ

Догнать процессию, затерявшуюся в лабиринте улиц и тупиков, оказалось не так просто. Драгоман зажег бумажный фонарь, и мы бежали наугад, привлекаемые далекими звуками волынки или отблесками света на углу перекрестка. Наконец мы оказались перед воротами какого-то квартала, совсем непохожего на наш. Дома были освещены, лаяли собаки. Через несколько шагов мы вышли на длинную шумную улицу, залитую ярким светом, где собралась большая толпа — люди стояли даже на крышах домов.

Арабская свадебная церемония

Процессия двигалась очень медленно под звуки музыки, имитирующей назойливый скрип двери или скрежет немазаной телеги. Виновники этого шума – человек двадцать – шли в окружении мужчин, которые несли факелы на длинных шестах. Их сопровождали дети с большими, тяжелыми канделябрами со свечами, отбрасывающими яркие блики. Каждый раз, когда процессия останавливалась, борцы

продолжали разыгрывать поединки; некоторые из них, с перьями на голове, встав на ходули, дрались на длинных палках; поодаль юноши несли флаги и позолоченные значки на древках, как это было принято на триумфальных шествиях у римлян, другие держали небольшие деревца, украшенные гирляндами и венками, сверкающие мишурой и горящими свечами, словно рождественская елка. На длинных шестах были прикреплены пластины с чеканным орнаментом, испещренные надписями, в них отражались отблески света. Затем шли певицы (*альмеи*) и танцовщицы (*газийи*), одетые в шелковые полосатые платья, в *тарбушах* с золотой макушкой; в их длинные косы были вплетены цехины. У некоторых в носу были продеты большие кольца, они не прятали своих лиц, раскрашенных красной и синей красками, зато другие, хотя тоже пели и плясали, тщательно кутались в покрывала. Им аккомпанировали на цимбалах, кастаньетах и барабанах. За ними в две шеренги шли невольники с корзинами и сундуками – подарками невесте от жениха и его семьи; потом шествовали гости: посредине женщины, тщательно задрапированные в черные покрывала, лица их были скрыты белыми масками, как это принято у знати; мужчины в дорогих одеждах – в такой день, объяснял мне драгоман, даже самые простые феллахи⁴ достают себе подобающие случаю костюмы.

⁴ *Феллах* – крестьянин, земледелец. Турки, правившие Египтом в середине XIX в., так называли всех жителей стран и арабов-египтян. «Феллах» звучало как «мужик», «простолудин».

Наконец, в ослепительном зареве факелов, свечей, *миш'алей* (сосудов, наполненных ярко горящим деревом) стал медленно приближаться красный призрак, который я уже видел издали, – невеста (*алъ-аруса*) в длинной прозрачной кашемировой шали, спускающейся до пят; невеста, оставаясь невидимой для окружающих, сама могла все рассмотреть. Что за странное зрелище эта длинная фигура под ниспадающим складками покрывалом! Она казалась еще выше из-за диадемы пирамидальной формы, сверкающей драгоценными камнями. Ее поддерживали под локти две одетые в черное матроны; создавалось впечатление, что она скользит по земле; четверо рабов несли над ней пурпурный балдахин, а другие сопровождали шествие игрой на инструментах, напоминающих цимбалы (*сантур*) и гусли (*канун*).

Однако, пока я любовался этим зрелищем, процессия остановилась, и дети принесли стулья невесте и ее родителям, чтобы они могли отдохнуть. Вернувшиеся альмеи исполнили песни-импровизации, сопровождая их танцами, а все присутствующие повторяли за ними отдельные музыкальные фразы. Поскольку я находился на виду, то тоже открывал рот, подражая, как мог, всем *элейсон*⁵ и *аминь* – ответам хора на самые фривольные куплеты.

Внезапно я понял, что мне грозит разоблачение. Я не сразу обратил внимание на то, что уже некоторое время рабы обносят толпу чашечками со светлой прозрачной жидко-

⁵ *Элейсон* (греч.) – «Господи помилуй».

стью. Высокий, одетый во все красное египтянин – вероятно, один из родственников – следил за невольниками и принимал благодарности гостей. Он уже был в двух шагах от меня, а я даже не мог предположить, как мне следует его приветствовать. К счастью, я все же успел рассмотреть, как поступали мои соседи, и, когда настал мой черед, я взял чашечку левой рукой, поклонился, поднеся правую к сердцу, потом ко лбу и, наконец, ко рту. Движения эти несложные, однако нужно остерегаться, чтобы не нарушить их последовательность или не проделать их слишком небрежно. Теперь я имел право выпить содержимое чашечки, но каково же было мое изумление! Напиток оказался водкой или, скорее, чем-то вроде анисовой настойки. Как объяснить, что мусульмане пьют на своих свадьбах подобный напиток? По правде говоря, я предполагал, что получу лимонад или шербет. Нетрудно было заметить, как альмеи, музыканты и комедианты из процессии неоднократно возвращались за новой порцией.

Наконец новобрачная поднялась, и шествие возобновилось; одетые в синее женщины толпой устремились вслед за ней, испуская дикие крики, и процессия продолжала ночную прогулку до дома молодоженов.

Довольный тем, что мне, словно истинному обитателю Каира, удалось, не выдав себя, присутствовать на подобной церемонии, я подал знак своему драгоману, который стоял чуть поодаль в надежде получить порцию водки, но он не спешил ко мне, наслаждаясь праздником.

– Пойдемте за ними в дом, – сказал он мне шепотом.

– А что я отвечу, если ко мне кто-нибудь обратится?

– Отвечайте только «тайеб». Это ответ на любой вопрос.

К тому же я буду поблизости и сумею поддержать разговор.

Я уже знал, что в Египте «тайеб» – основа основ всякого разговора. В зависимости от интонации, с которой произносят это слово, оно может означать очень многое, но не имеет ничего общего с английским «god damn» («черт возьми!»). Слово «тайеб» может означать «очень хорошо», или «вот и прекрасно», или «великолепно», или «к вашим услугам», тон, а главное, жесты вносят бесчисленные дополнительные нюансы. Этот способ показался мне более надежным, чем тот, о котором рассказывал знаменитый путешественник – кажется, Бельцони. Тщательно переодевшись, он зашел в мечеть и стал копировать все движения стоявших поодаль мусульман, но, поскольку он не мог ответить ни на один обращенный к нему вопрос, его драгоман объяснил любопытным:

– Он не понимает, это турок из Англии.

Через дверь, увитую цветами и листьями, мы вошли в очень красивый двор, разукрашенный цветными фонариками. На оранжевом фоне окон, за которыми толпились гости, вырисовывалось причудливое кружево машрабийи. Пришлось остановиться и занять место во внутренней галерее. В дом поднимались только женщины, там они снимали покрывала, и через деревянные точеные решетки окон мож-

но было видеть лишь расплывчатые контуры, блеск ярких костюмов и украшений.

Свадебная процессия. Художник Винченцо Маринелли

Пока новобрачная и женщины из обоих семейств встречали дам, жених, в красной, расшитой золотом одежде, уже слез с осла и принимал поздравления мужчин, приглашая их в комнаты цокольного этажа, где были расставлены низкие столики, на которых возвышались пирамиды блюд с разными угощениями. Достаточно было сесть на пол скрестив

ноги, осторожно достать одно блюдо, взять чашку и попросту, с помощью пальцев приступать к трапезе. Каждый пришедший был желанным гостем. Я не осмелился участвовать в пиршестве, опасаясь, что нарушу ритуал. К моему утешению, самая красочная сторона праздника происходила как раз во дворе, где под громкую музыку один танец сменялся другим. В центре большого круга, образованного зрителями, группа нубийских танцоров выделявала замысловатые па; они двигались вперед и назад, повинаясь движениям женщины, одетой в полосатую накидку, ее лицо было закрыто покрывалом, в руках она держала ятаган и, казалось, то грозила танцующим, то убегала от них прочь. Альмеи сопровождали танцы песнями и ударами в глиняный барабан (*дарабукка*), который держали на уровне уха в левой руке. Оркестр, составленный из разных, неизвестных мне инструментов, тоже участвовал в этом празднике, к которому присоединились и зрители: они хлопали в ладоши в такт музыке. В перерывах между танцами разносили прохладительные напитки, и среди них был один, о котором я раньше не подозревал. Черные рабы ходили среди толпы, взбалтывая серебряные флаконы с ароматизированной водой; я ощутил сладковатый запах розы, только когда мне на бороду и на щеки попало несколько капель.

Тем временем один из мужчин – несомненно, важное лицо на этой свадьбе – подошел ко мне и весьма учтиво произнес несколько слов, я ответил спасительным «тай-еб», и он,

казалось, остался вполне удовлетворен; когда он обратился к моим соседям, я спросил у драгомана, о чем шла речь.

– Он приглашал вас пожаловать в дом, чтобы увидеть невесту, – сказал мне тот.

Вне всякого сомнения, мой ответ прозвучал как согласие, но в доме мне удалось бы увидеть только закутанных в покрывало женщин, которые будут обходить комнаты, где толпятся гости, поэтому я решил, что мое приключение не должно заходить так далеко. Правда, новобрачная и ее подруги предстанут в великолепных нарядах, скрытых на улице покрывалом, но я не был до конца уверен в правильности моего произношения «тайеб», чтобы отважиться проникнуть в семейный круг. Нам с драгоманом удалось пробраться к воротам, выходящим на площадь Эзбекия.

– Жаль, – сказал мне драгоман, – а то вы бы могли посмотреть представление.

– Какое представление?

– Комедию.

Я тотчас же подумал о знаменитом «Карагёзе», но речь шла о другом. «Карагёза» показывают только во время религиозных праздников: это легенда, полная глубоких символов; представление же, о котором говорил драгоман, должно было состоять из небольших комических сценок, роли в которых исполняют мужчины; их можно сравнить со сценками, построенными на пословицах, которые разыгрывают у нас в великосветском обществе. Здесь же представление да-

ют для того, чтобы гости могли приятно провести остаток ночи, когда молодожены со своими родителями удаляются на женскую половину дома.

Судя по всему, празднества по случаю этой свадьбы продолжались уже целую неделю. Драгоман рассказал мне, что в день, когда заключается брачный контракт, на пороге дома, перед тем как проходит невеста, устраивают заклинание баранов. Он поведал мне и о другой церемонии: разбиваются сахарные головы, из которых вылетают два голубя; в полете этих птиц усматривают какое-то предзнаменование. Эти обычаи остались, по-видимому, еще с глубокой древности.

Я вернулся домой, потрясенный увиденным. Вот, решил я, народ, для которого свадьба – важное событие. Правда, некоторые детали сегодняшнего празднества говорили о том, что молодые супруги происходят из зажиточных семейств, но и у бедняков бракосочетание сопровождается не меньшей пышностью и блеском. Им не приходится платить музыкантам, комедиантам и танцорам – это их друзья. В противном случае приглашенные делают пожертвования. Костюмы берутся на время, каждый гость приносит свою свечу или факел, а диадема невесты так же украшена бриллиантами и рубинами, как у дочери паши. Где еще можно встретить подобное равенство? Сегодня – день триумфа юной египтянки, которая, возможно, не столь красива под своим покрывалом, не столь богата в своих бриллиантах, но, ослепительная, она идет по улицам города, который любит ее и со-

ставляет ее свадебный кортеж. Она поражает всех своими царскими драгоценностями, пурпуром одежд, но лицо ее не видимо никому, и, таинственная, она идет, словно древняя нильская богиня. Только одному мужчине суждено узнать секрет скрытых от всех красоты и изящества; только он один сможет безмятежно любоваться своим идеалом и считать себя избранником принцессы или феи; если же его ждет разочарование, что ж, оно пощадит его самолюбие, хотя любой обитатель этой счастливой страны вправе не один раз пережить этот праздничный, полный иллюзий день.

ДРАГОМАН АБДУЛЛА

Мой драгоман – редкий человек. Правда, я опасаясь, как бы он не оказался слишком достойным слугой столь незначительного господина, как я.

Он предстал предо мной во всем своем блеске в Александрии, на палубе парохода «Леонидас». Абдулла, так звали моего нового знакомого, подплыл к пароходу на нанятой лодке в сопровождении негритенка, который нес за ним длинную трубку, и драгомана помоложе – для свиты. Длинная белая туника скрывала его одежды и подчеркивала смуглость бесстрастного, как у сфинкса, лица – ведь в его жилах текла нубийская кровь. Наверное, его предки принадлежали к разным расам. В ушах у него „висели тяжелые золотые кольца, а неспешная поступь и длинные одежды завершали идеальное, в моем понимании, воплощение вольноотпущенника времен Древнего царства.

Среди пассажиров не было ни одного англичанина, и наш герой, несколько этим раздосадованный, за неимением лучшего, выбрал меня. Мы причаливаем; он нанимает четырех ослов для себя, своей свиты и для меня и сразу же везет в гостиницу «Англетер», где меня охотно принимают примерно за шестьдесят пиастров в день; сам же он ограничивает свои притязания половиной этой суммы, на которую должен содержать второго драгомана и негритенка.

На улицах старого Каира

Проведя день в сопровождении этой представительной свиты, я понял, что ни во втором драгомане, ни в негритенке

не было никакой надобности. Абдулла распрощался с юным коллегой, негритенка же оставил для себя, сократив, впрочем, собственное жалование до двадцати пиастров в день, что составляет примерно пять франков.

Когда мы приехали в Каир, ослы немедленно доставили нас к английскому отелю на площади Эзбекия; однако мне пришлось остановить этот благородный порыв, как только я выяснил, что пребывание там стоит столько же, сколько в «Англетере».

– Вы предпочли бы остановиться в английском отеле «Вэ-гхорн» во франкском⁶ квартале? – спросил честный Абдулла.

– Я предпочел бы не английский отель.

– Хорошо. Здесь есть французский отель «Домерг».

– Поедем туда!

– Извольте... Я охотно провожу вас, но сам там не останусь.

– Почему?

– Эта гостиница стоит всего сорок пиастров в день, я не могу там жить.

– Ну а я с удовольствием там расположусь.

– Вы чужестранец, а я здешний и обыкновенно нахожусь в услужении у господ англичан. Мне следует блюсти свою репутацию.

Я же нашел, что цены в этом отеле вполне пристойны; ведь

⁶ Франки (*ифрандж*) – европейцы, преимущественно из Западной Европы..

в этой стране все стоит в шесть раз дешевле, чем во Франции, работнику платят пиастр в день, или, по-нашему, пять су.

– Впрочем, – продолжал Абдулла, – можно все уладить. Вы поживете два-три дня в отеле «Домерг», где я буду вас по-дружески навещать, а сам тем временем сниму для вас дом в городе и затем без труда смогу там тоже поселиться, чтобы быть в вашем распоряжении.

И впрямь, многие европейцы, если останавливаются в Каире, снимают дома. Узнав об этом, я предоставил Абдулле полную свободу действий.

Отель «Домерг» расположен в тупике, отходящем от главной улицы франкского квартала; это вполне приличный отель, содержащийся в безукоризненной чистоте. Здесь есть внутренний квадратный дворик, беленный известью и перекрытый легкой решеткой, увитой виноградной лозой; одна из внутренних галерей отдана под мастерскую весьма любезного, слегка глуховатого французского художника – большого специалиста по дагерротипу. Время от времени он приводит из города торговки апельсинами или сахарным тростником, которые с готовностью ему позируют, давая тем самым возможность изучать основные расы, населяющие Египет, правда, большинство женщин прячут лица под покрывалом – последним прибежищем восточной добродетели.

Кроме того, к французскому отелю примыкает довольно живописный сад, а табльдот с честью преодолевает трудности, связанные с отсутствием говядины и телятины, и

предлагает весьма разнообразное меню европейской кухни. Именно это обстоятельство и объясняет дороговизну английских отелей, где, как на кораблях, используют консервированное мясо и овощи. Англичанин, в какой бы стране ни находился, никогда не изменяет традиционным ростбифу, картофелю, портеру и элю.

Я встретил за табльдотом полковника, епископа *in partibus*⁷, художников, преподавательницу иностранных языков и двух индусов из Бомбея – господина и его слугу. Должно быть, южная кухня отеля казалась им пресной, потому что они извлекали из кармана серебряные флаконы с перцем и карри и посыпали все блюда. Они предложили и мне. Ощущение от этих изысканных индийских приправ такое, словно держишь во рту раскаленные угли.

Рояль на втором этаже и бильярд на первом – вот и все, что дополняет описание французского отеля; как говорится, с таким же успехом можно было бы вообще не уезжать из Марселя. Что до меня, то я предпочел бы вкусить настоящую восточную жизнь. В Каире можно снять дом в несколько этажей с садами и дворами за триста пиастров (примерно семьдесят пять франков) в год. Абдулла показал мне много таких домов в коптском и греческом кварталах. В домах были роскошно украшенные залы с мраморными полами, фонтанами, галереями и лестницами, словно во дворцах

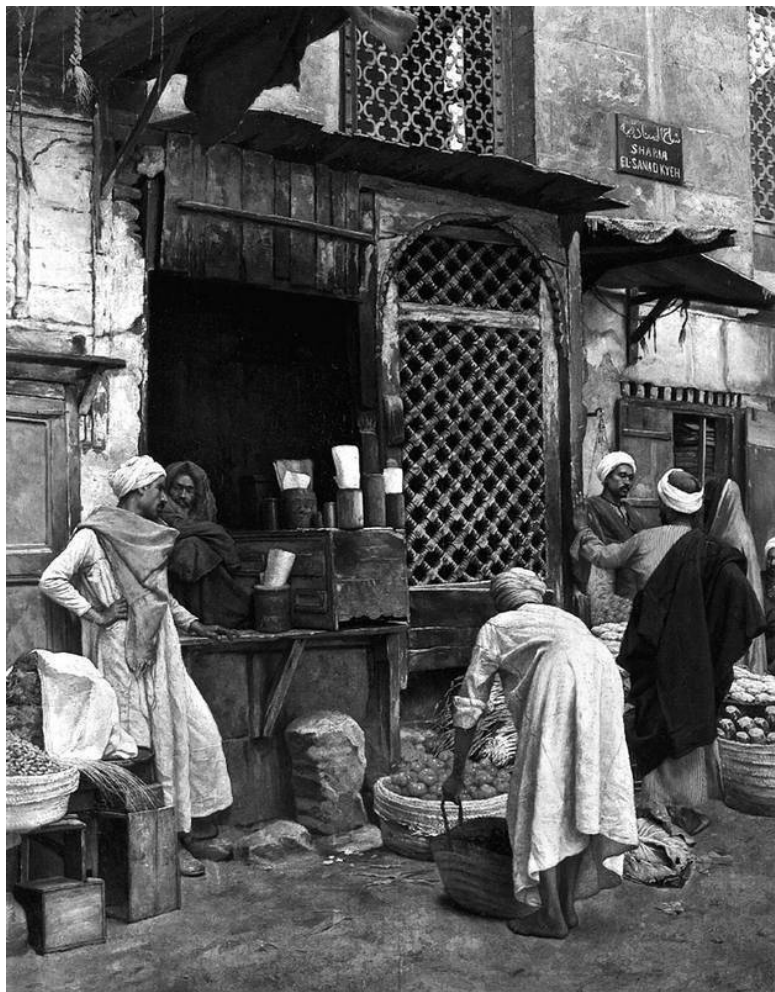
⁷ *Епископ in partibus (лат.)* – католический епископ, имеющий сан без прихода. Этот титул носили папские представители (*нунции*) в мусульманских странах..

Венеции и Генуи, и дворы, окруженные колоннадой, и сады с деревьями редких пород. Там было все, чтобы вести образ жизни, достойный царя, требовалось только заполнить эти помещения челядью и рабами. Но во всех этих хоромах не было ни одной комнаты, пригодной для жилья: несмотря на то что постройка такого дома обходилась недешево, не застекленные затейливые оконные переплеты были открыты вечернему ветру и ночной сырости. В Каире так живут все, но очень часто его обитатели, испытывая необходимость в свежем воздухе и прохладе, расплачиваются за эту неосторожность болезнью глаз. Во всяком случае, я вовсе не был склонен ютиться где-то в уголке огромного дворца; к тому же следует добавить, что большая часть этих зданий, бывших апартаментов угасшей аристократии, построена еще во времена мамлюкских султанов и в любой момент грозит обратиться в груду развалин.

В конце концов Абдулла нашел для меня дом поскромнее, но более прочный и с надежными запорами. Живший здесь до меня англичанин велел застеклить окна, и дом превратился в местную достопримечательность. Пришлось отыскивать шейха этого квартала, чтобы заключить договор с владелицей – вдовой-копткой. На имя этой женщины записано более двадцати домов, но принадлежат они иностранцам, так как сами они не имеют права владеть недвижимым имуществом в Египте. Действительным владельцем этого дома был чиновник английского консульства.

Договор заключили на арабском языке, затем нужно было заплатить, сделать подношение шейху, судебному чиновнику и начальнику ближайшего караула, дать *бакиши* (чаевые) писцам и слугам, после чего шейх вручил мне ключ. Это приспособление вовсе не похоже на наши ключи, оно представляет собой деревянный брусок, напоминающий счетные палочки булочников, на конце которого набито, на первый взгляд как попало, пять или шесть гвоздей. В действительности же все сделано с расчетом. Этот так называемый ключ вставляют в замочную скважину, и когда гвозди совпадают с невидимыми снаружи отверстиями на деревянном засове, его отодвигают и дверь открыта.

Но оказывается, недостаточно иметь деревянный ключ, который невозможно положить в карман — его носят за поясом; требуется еще мебель, отвечающая роскоши внутренней отделки, правда, во всех каирских домах обстановка весьма проста.

Улица в Каире. Художник Людвиг Дойч

Абдулла отвел меня на базар, где нам взвесили несколько окк⁸ хлопка. Из этого хлопка и персидского полотна чешальщики прямо у вас дома изготавливают за несколько часов диванные подушки, которые ночью служат матрасами. Основным же предметом мебелировки является длинный короб, который корзинщик сплетает на ваших глазах из пальмовых прутьев; такая мебель – легкая, гибкая и более прочная, чем кажется на первый взгляд. Необходимо еще иметь небольшой круглый стол, несколько чашек, длинные трубки или кальяны. Впрочем, все это можно взять напрокат в соседней кофейне – и вы готовы принимать у себя весь цвет городского общества. Только у Мухаммеда Али⁹ имеется полный набор мебели, лампы, часы. Правда, все это требуется ему только для того, чтобы показать себя приверженцем прогресса и торговли с Европой.

Ну а если вы хотите, чтобы ваше жилище выглядело роскошным, обзаведитесь еще циновками, коврами и даже занавесями. На базаре я встретил одного еврея, который услужливо выступил в роли посредника между Абдуллой и торговцами, чтобы доказать, что обе стороны меня надувают. Еврей воспользовался только что изготовленной мебелью и уже на правах старого друга расположился на одном из диванов.

⁸ *Окка* – мера веса, равная 1,25 кг.

⁹ Мухаммед Али правил Египтом в 1805–1849 гг.

Пришлось предложить ему трубку и кофе. Зовут его Юсеф, он занимается разведением шелковичных червей в течение трех месяцев в году. Остальное время, поведал он мне, он ничем не занят, только наблюдает за тем, как растут тутовые деревья, и пытается определить, хороший ли будет урожай. К тому же держится он весьма непринужденно, и создается впечатление, что общество иностранцев нужно ему только для того, чтобы улучшать познания во французском языке и оттачивать свой вкус.

Мой дом находится на одной из улиц коптского квартала, ведущей к городским воротам, которые выходят на аллею Шубры. Против дома есть кофейня, чуть поодаль – заведение, где за пиастр в час можно нанять осла, еще дальше – небольшая мечеть с минаретом. В первый же вечер, когда на закате солнца я услышал монотонный, протяжный напев муэдзина, меня охватила невыразимая грусть.

– Что он говорит? – спросил я у драгомана.

– Нет божества, кроме Аллаха!

– Я знаю это изречение, а дальше?

– О вы, отходящие ко сну, доверьте ваши души вечно неусыпному.

Очевидно, сон – другая жизнь, о которой не следует забывать. С самого своего приезда в Каир я вспоминал сказки «Тысячи и одной ночи» и видел во сне всех див и вырвавшихся из цепей великанов со времен царя Соломона. Во Франции часто потешаются над демонами, порожденными

ми сновидениями, и усматривают в этом лишь плод болезненного воображения, но разве все это существует вне нашего сознания? Ведь во сне мы испытываем ощущения, полученные в реальной жизни. В столь жарком, как в Египте, климате обычно снятся тяжелые сны и даже кошмары, и говорят, что в изголовье паши всегда стоит слуга, готовый разбудить его, как только по выражению лица или движениям спящего он видит, что паше снится что-то неприятное. А может быть, достаточно просто вверить себя... тому, кто вечно неусыпен?

НЕУДОБСТВА БЕЗБРАЧИЯ

Я изложил выше события своей первой ночи в Каире, и теперь станет ясно, почему я проснулся позже обычного. Абдулла известил меня о визите шейха нашего квартала, который уже приходил утром. Этот славный седобородый старец ждал моего пробуждения в соседней кофейне в обществе своего секретаря и негра, носившего его трубку. Я не удивился такому долготерпению: в Египте всякий европеец, если только он не промышленник и не торговец, важная персона. Шейх, сел на один из диванов, ему набили трубку и подали кофе. Затем он начал речь, переводил Абдулла.

– Шейх принес обратно деньги, которые вы заплатили за дом.

– Почему?

– Он говорит, что соседям не известны ни ваш образ жизни, ни ваши привычки.

– Ему они кажутся дурными?

– Он не это имеет в виду; об этом никто не знает.

– Значит, у него сложилось плохое впечатление обо мне?

– Он думал, что вы будете жить в доме с женой.

– Но я не женат.

– Его это не касается. Он говорит, что у всех ваших соседей есть жены и что они будут встревожены, если у вас ее не будет. Ведь так здесь принято.

– Что же он от меня хочет?

– Вы должны либо выехать отсюда, либо найти женщину, чтобы жить здесь вместе с ней как со своей женой.

– Скажите ему, что в моей стране считается неприличным жить с женщиной, не будучи ее мужем.

Ответ старца на это высказывание морального порядка сопровождался отеческим наставлением. К сожалению, перевод может воссоздать лишь приблизительный смысл слов шейха.

– Он хочет дать вам совет, – сказал мне Абдулла, – он говорит, что такой эфенди (господин), как вы, не должен жить один, что всегда почетно проявить заботу о женщине и делать ей добро, а еще лучше, – добавил он, – заботиться о нескольких женщинах, если это позволяет ваша вера.

Рассуждения турка весьма тронули меня, и, хотя моим европейским представлениям был абсолютно чужд подобный взгляд на вещи, его правильность я понял довольно скоро, когда лучше разобрался в положении женщины в этой стране. Я попросил передать шейху, чтобы он немного подождал, пока я не посоветуюсь со своими друзьями, как мне следует поступить.

Я снял дом, меблировал его, чувствовал себя в нем прекрасно и теперь хотел только найти способ устоять перед намерением шейха порвать соглашение и выгнать меня отсюда по причине моего безбрачия. После долгих колебаний я решил обратиться за советом к художнику из отеля «До-

мерг», который еще раньше приглашал меня в свою мастерскую, дабы приобщить к таинствам дагерротипа. Художник этот был настолько туг на ухо, что беседа с ним через переводчика была бы гораздо проще и занимательнее, чем разговор с глазу на глаз.

Арабский мужчина с семьей

Я отправился к нему, пересек площадь Эзбекия и вдруг на углу одной из улиц, ведущей к франкскому кварталу, услышал радостные возгласы, доносившиеся из просторного двора, где в это время несколько мужчин водили по кругу кра-

сивых лошадей. Один из них кинулся ко мне и сжал в объятиях. Это был высокий юноша в шерстяном бледно-желтом турбане и в синей рубаше. Я видел его на пароходе и запомнил его лицо: оно походило на лица, которые рисовали на крышках саркофагов.

– Хорошо, хорошо, – говорил я этому экспансивному юноше, высвобождаясь из его объятий и озираясь в поисках моего драгомана Абдуллы, но тот скрылся в толпе, наверное опасаясь, как бы не увидели, что он состоит при человеке, который водит дружбу с простым конюхом. Этот мусульманин, избалованный английскими туристами, совсем забыл, что сам Мухаммед был погонщиком верблюдов.

Тем временем египтянин потянул меня за рукав и втащил во двор конного завода, принадлежащего паше. Там, на одной из галерей, я увидел второго своего попутчика – Сулеймана-агу, который полулежал на деревянном диване. Он тоже меня узнал и, хотя был сдержанней в проявлении чувств, чем его подчиненный, пригласил присесть рядом с ним, предложил трубку и велел подать кофе... Хочу указать на такую деталь, характерную для местных нравов: простой конюх незамедлительно счел себя достойным нашего общества, сел на землю скрестив ноги и, как и я, получил длинную трубку и маленькую чашечку горячего мокко, которую подают на специальной золотой подставке, похожей на подставку для яиц, чтобы не обжечь пальцы. Вокруг нас тотчас же уселись и остальные. Абдулла, видя, что наша встреча при-

нимает более благопристойный характер, наконец появился и соблаговолил присоединиться к беседе.

Я уже знал Сулеймана-агу как приятного попутчика, и, хотя во время нашего совместного путешествия мы обменивались только жестами, я счел наши отношения достаточно близкими, чтобы, не испытывая неловкости, рассказать ему о своих делах и попросить совета.

– *Машалла!* – вскричал тот. – Шейх прав, молодой человек ваших лет уже несколько раз должен быть женат!

– Вы знаете, – робко заметил я, – моя вера позволяет брать в жены только одну женщину, с которой уже нельзя расстаться, поэтому у нас обычно долго думают, прежде чем предпринять этот серьезный шаг, чтобы потом не раскаиваться.

– Но я же не говорю о ваших руми (европейских женщинах), – возразил тот, ударив себя по лбу, – они принадлежат всем, а не только вам одному; эти бедняжки полностью обнажают лица, и не только перед теми, кто хотел бы их увидеть, но и перед теми, кто этого не хочет. Представьте себе, – обратился он с усмешкой к остальным туркам, которые слушали наш разговор, – что все эти женщины смотрели на меня на улице глазами, полными страсти, а некоторые из них доходили в своем бесстыдстве до того, что хотели меня поцеловать.

Увидев, что слушатели крайне этим шокированы, я счел своим долгом уведомить их для спасения чести европейских женщин, что Сулейман-ага, вероятно, спутал корыстолюбив-

вый интерес к нему девиц определенного сорта с невинным любопытством остальных дам.

– Кроме того, – добавил Сулейман-ага, не ответив на мое замечание, так как приписал его исключительно национальному самолюбию, – если бы эти красотки были хотя бы достойны того, чтобы правоверный дозволил им поцеловать себе руку! Но это же чахлые, бесцветные зимние растения болезненного вида, изможденные голодом; они почти ничего не едят и просто растаяли бы у меня в руках. Ну а жениться на них – и того хуже; они так дурно воспитаны, что в доме воцарились бы раздор и несчастья. У нас женщины и мужчины живут раздельно, и таким образом в доме сохраняется покой и порядок.

– Но разве в своих гаремах вы живете не в окружении женщин? – спросил я.

– О всемогущий Аллах! – вскричал он. – Да их несносная болтовня сведет с ума кого угодно. Разве вы не заметили, что у нас свободные от занятий мужчины совершают прогулки, отдыхают в банях, сидят в кофейне, совершают молитвы в мечети или навещают друг друга и ведут беседы? Разве не приятнее общаться с друзьями, слушать рассказы, курить, предаваться мечтаниям, нежели вступать в разговор с женщинами, поглощенными своими скудными интересами, нарядами или злословием?

– Но вы ведь неизбежно должны выносить все это во время совместных трапез.

– Ничуть не бывало. Они едят все вместе или порознь, как им заблагорассудится, мы же особо – одни, с близкими или друзьями. Правда, есть небольшое число турок, поступающих иначе, но на них смотрят косо, ведь они ведут недостойный образ жизни. Общество женщин делает мужчину жадным, себялюбивым и жестоким; из-за женщин рушатся братство и милосердие между нами; женщины порождают ссоры, несправедливость и тиранию. Пусть каждый живет с себе подобными! Довольно и того, что хозяина в часы дневного отдыха или вечером по возвращении домой встречают радостные лица приятных для глаз созданий в красивых одеждах.

А если еще и приглашенные альмеи станцуют и споют перед ним, он вообще сможет грезить о близком рае и считать, что вознесся на небо, где обитают истинные красавицы, чистые и непорочные. Они одни достойны стать вечными супругами правоверных!

Интересно, это мнение всех мусульман или только некоторых из них? В нем можно усмотреть не столько презрение к женщине, сколько отголоски древнего учения Платона, которое ставило чистую любовь выше всего тленного. Обожаемая женщина есть не что иное, как отвлеченный символ, незавершенный идеал обожествляемой женщины, которой суждено навеки стать подругой правоверного. Именно из-за этих идей принято считать, что жители Востока отрицают у женщин душу, но теперь известно, что истинно благочестивые мусульманки тоже вправе надеяться увидеть на небе вопло-

щение своего идеала. Религия арабов знает своих святых жен и пророчиц: дочь Мухаммеда, славная Фатима – царица этого рая женщин.

Игра в шахматы. Художник Людвиг Дойч

В конце концов Сулейман-ага посоветовал мне обратиться в ислам; я поблагодарил его, улыбаясь, и обещал поразмыслить над его словами. На сей раз я был озадачен как никогда. Я решил привести в исполнение свое прежнее намерение – побеседовать с глухим художником из отеля «Домерг»,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.